

СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

На волне масштабных реформ и преобразований второй половины XIX в. в Южном Зауралье были учреждены волостные суды. Волостной суд являлся словесным крестьянским судом, в котором рассматривались мелкие конфликты и правонарушения, которые были порождены самой деревенской действительностью и наиболее часто возникали в крестьянской среде. Осуществляли правосудие в волостных судах избранные на судейство волостным сходом крестьяне, наиболее уважаемые и пользующиеся доверием своих односельчан. В течение трех лет во время действия своих полномочий, до очередных выборов, они принимали к разбору дела со стоимостью иска не более ста рублей, имели право приговаривать виновных крестьян к денежному взысканию, аресту, телесному наказанию или исправительным работам.

Ввиду того, что уровень грамотности крестьян был довольно низким, все дела в волостных судах велись словесно. В то же время в каждом из них организовано составлялись документы, фиксировавшие содержание вынесенных судьями приговоров и постановлений, отмечались детали рассмотренных ими на заседаниях дел. За это отвечал волостной писарь. Ведение всей судебно-следственной документации по волостному суду являлось одной из его непосредственных обязанностей². Писарь заполнял журналы регистрации судебных дел, вел переписку с вышестоящими судебными инстанциями, оформлял отчетную документацию, повестки, уведомления, записки, отправлявшиеся крестьянам и должностным лицам сельского управления (волостному старшине, старостам).

Сохранившись до наших дней, комплекс упомянутых судебно-следственных документов, формировавшийся в волостных судах на протяжении более чем полувека, позволяет взглянуть на прошлое Южного Зауралья, прикоснуться к его истории второй половины XIX – начала XX века. Сослужив свою службу более ста лет назад, судебно-следственные документы волостных судов Южного Зауралья сегодня являются ценными историческими источниками по изучению принципов устройства и основ функционирования этих судебных учреждений.

Деятельность волостных судей предполагала их тесное взаимодействие с должностными лицами сельского управления. По судебно-следственным документам волостных судов Южного Зауралья можно определить характер этих связей. Из источников следует, что сельские старосты и волостной старшина имели право приводить на заседания волостного суда для назначения меры наказания совершивших проступки крестьян, а также просто сообщать судьям о требующих их рассмотрения, совершенных по волости проступках и правонарушениях.

¹ Безгин В. Б. Волостной суд сельской России (вторая половина XIX – начало XX века). Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). № 12(20). 2012. С. 5.

² Безгин В. Б. Волостной писарь в общественной жизни села второй половины XIX – начала XX века // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX – XXI вв. Липецк: ЛГПУ, 2013. С. 149.

Волостные старшины и сельские старосты не имели права вмешиваться в работу волостных судов, и не могли присутствовать на их заседаниях¹.

Несмотря на это, исполняя свои обязанности данные должностные лица, нередко оказываясь на местах происшествий одними из первых, привлекались волостными судьями для дачи свидетельских показаний. В Черемуховском волостном суде Курганского уезда в 1903 г. по делу о нанесении оскорбления словами крестьянину деревни Щучьей Константину Иванову свидетельские показания были даны как соседями потерпевшего, так и местным сельским старостой Григорием Ивановым².

Судебно-следственные документы содержат сведения о деятельности волостных старшин и сельских старост по исполнению приговоров судей. В 1904 г. Бакланский волостной старшина поручал Журавлевскому сельскому старосте немедленно взыскать с крестьянина Василия Башкирова 5 рублей, присужденных решением Бакланского волостного суда в пользу крестьянина Алексея Пономарева и его жены³.

Судебно-следственные документы волостных судов Южного Зауралья также представляют интересную информацию о возрасте, месте проживания, вероисповедании, законопослушности, грамотности крестьян, утверждавшихся на трехлетие в должностях волостных судей по каждому из судов уезда. Ведомости о движении дел в судах, оформленные в виде таблиц, позволяют ознакомиться с общим объемом, выполнявшейся судьями работы, количеством поступавших и рассматривавшихся дел в отдельном суде за год или даже за месяц. На 1 января 1903 г. в Бакланском волостном суде рассмотрения требовали 7 старых прошлогодних дел, в течение следующих 12 месяцев в суд для разбора поступило 91 новое дело, слушания по 86 из них к концу года были завершены⁴.

Волостные суды, будучи наиболее близким для крестьян судебным институтом, принимали к рассмотрению массу самых разнообразных дел. Во многом благодаря этому документация, образовавшаяся в результате их деятельности, содержит ценные сведения о жизни российского крестьянства второй половины XIX – начала XX вв. Судебно-следственные документы волостных судов Южного Зауралья, выступая в качестве исторических источников, проливают свет на специфику имущественных отношений, возникавших между крестьянами, на особенности пользования ими земельными и пастбищными угодьями, сенокосными и лесными пайками. В 1907 г. на одном из заседаний Глядянского волостного суда солдатская жена деревни Межборной Варвара Лосева, муж которой числился в без вести пропавших, просила о взыскании по наследству части имущества мужа, скота и хлеба⁵.

¹ Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов / под ред. К. А. Софроненко. М., 1954. С. 62.

² Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 121. Оп. 1. Д. 1. Л. 73–75.

³ Государственный архив города Шадринска (ГАСШ). Ф. 25. Оп. 1. Д. 150. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 141. Л. 71 об. – 72.

⁵ ГАКО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 48 об. – 49.

Материалы судебных дел несут информацию о хозяйственной деятельности крестьян Южного Зауралья, ремеслах и промыслах которыми они занимались, о особенностях крестьянских семейных отношений. 17 февраля 1886 г. оставной рядовой села Полевского Матвей Прахов и его жена на заседании Барневского волостного суда просили своего сына Даниила вернуться на житье в родительский дом, из которого он ушел из-за ссоры, произошедшей между его женой Анастасией и родителями¹.

На страницах судебно-следственных дел волостных судов встречаем упоминания о совершавшихся крестьянами Южного Зауралья проступках и преступлениях – кражах, драках, мошенничестве и другого рода правонарушениях. В 1901–1903 гг. судьи Бакланского волостного суда разбирали уголовные дела о проступках против порядка и управления, о нарушениях благочиния во время священнослужения, нарушении паспортного устава, нарушении строительного устава и устава путей сообщения, о личных обидах². Судебно-следственные документы повествуют о существовавшем в сельской среде отношении к различным формам отклоняющегося поведения – пьянству, развратной жизни, нерадению к хозяйству, сквернословию. Так, в Бакланском волостном суде 30 января 1869 г. крестьянин Павел Куприянов за развратную жизнь и пьянство был приговорен к 20 ударам розог³.

Задействованные в исследовании в качестве исторических источников судебно-следственные документы волостных судов Южного Зауралья, как правило, не создают серьезных трудностей, связанных с решением проблемы авторства и установлением их подлинности. К достоверности информации, содержащейся в материалах судебных дел, как и имеющейся в других видах источников, тем не менее, следует относиться с определенной долей скептицизма. Обращаясь в волостные суды, крестьяне искали, в первую очередь, справедливости, заслуженного наказания для своих должников, обидчиков и, таким образом, выступая с показаниями, могли стараться всеми силами очернить этих людей, что-то приукрашивая или вовсе выдумывая.

Судебно-следственные документы волостных судов Южного Зауралья доступны для изучения в стенах местных архивов. При этом документация не всех волостных судов в свое время поступила на хранение и сегодня безвозвратно утрачена. Сформированные же фонды одних судов в большей мере насыщены документами, а других – в меньшей. В силу утраты части документов они состоят всего из нескольких дел. В процессе работы с судебно-следственными делами, на основе анализа информации взятой всего лишь из нескольких источников затруднительно делать обобщающие выводы. Только изучив определенный пласт судебных дел, можно говорить о характере изучаемых явлений и процессов, например, о степени распространенности в российской деревне отдельных категорий преступлений и правонарушений.

¹ ГАШ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 377. Л. 32 об.

² Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 141. Л. 71 об. – 72.

³ Там же. Д. 94. Л. 13 об. – 14.

Судебно-следственная документация волостных судов Южного Зауралья отвечала нуждам судопроизводства, поэтому как исторический источник содержит информацию, изложенную часто сжато и сухо, без лишних отступлений. Однако, именно благодаря ей в поле зрения исследователя попадают случаи имевшие место в реальной жизни крестьян середины XIX – начала XX вв. Информационный потенциал судебно-следственных документов открывает широкие возможности для изучения круга тем и вопросов, связанных с историей крестьянства Южного Зауралья, историей становления, развития и функционирования местных органов судебной системы.

М. А. Мезенцев

Курганский государственный университет

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ В ИСТОРИЧЕСКИХ МИФАХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

К числу одного из самых известных сражений русской истории относится Ледовое побоище 5 апреля 1242 г. Без упоминания об этой «крупнейшей битве раннего Средневековья», положившей предел «крестоносной агрессии», не может обойтись никакой учебник, никакой вообще рассказ, претендующий на «объективное и достоверное» изложение Отечественной истории¹. Однако, как и любое историческое событие, эта битва с течением времени обрастала мифами по мере того роста в исторической литературе роли Александра Невского, что происходило при содействии церкви и властей.

Обращение к отечественной историографии XIX–XX вв. показывает, что до определенного момента битва на Чудском озере не воспринималась как судьбоносное событие русской истории. Так, описание Ледового побоища в «Истории» Н. М. Карамзина почти в четыре раза короче рассказа о Невской битве². У всех последующих историков эта битва занимает очень скромное место. Так, С. М. Соловьев подробно и точно пересказывает имевшиеся в его распоряжении источники, воздерживаясь от оценочных характеристик. Аналогично поступает и Н. И. Костомаров³. Даже в апологетическом труде М. Хитрова, в котором описание побоища почти втрое превышает по объему информацию, которую можно было бы почерпнуть из отечественных и зарубежных источников, значение битвы на Чудском озере укладывается в одну фразу: «здесь указан предел распространению немецкого владычества, здесь Сам Бог рассудил вековой спор германцев и славян, оградив навсегда наше отечество от опасных иноземцев». Значение Грюнвальдской битвы, если следовать выводам М. Хитрова, вообще сомнительно, поскольку «вековой спор германцев и славян», оказывается, был разрешен еще за полтора века до этого сражения⁴. Так что полякам, литовцам

¹ Данилевский И. Н. Ледовое побоище: смена образа // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 28–40.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1988. Т. 4. С. 20.

³ Данилевский И. Н. Указ. соч.

⁴ Данилевский И. Н. Ледовое побоище: смена образа. // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 28–40.